

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Benjamin W. Über das mimetische Vermögen // Gesammelte Schriften Bd. II-1. – Frankfurt am Maine: Suhrkamp, 1989. – S. 210–213.
2. Van Reijen W. Philosophie als Kritik. Einführung in die Kritische Theorie. – Königstein: Hein, 1986. – 221 S.
3. Краус Р. Переизобретение средства // Синий диван. – М., 2003. – № 3. – С. 105–127.
4. Беньямин В. Краткая история фотографии // Избранные эссе. – М.: Медиум, 1996. – С. 66–91.
5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. – М.: Медиум, 1996. – С. 163–209.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 2001. – 174 с.
7. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. – Michigan: University of Michigan Press, 1994. – 164 p.
8. Baudrillard J. For Illusion Isn't The Opposite of Reality // Photographies 1985–1998. – Ostfildern-Ruit: Hatje-Cantz, 1999. – P. 129–135.
9. Зонтаг С. Взгляд на фотографию / Photographer.ru, Современная творческая фотография: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.photographer.ru/cult/theory/401.htm>, свободный. – 13.11.2008.
10. Sontag S. On Photography / S. Sontag – New York: Farrar, Straus and Giroux, 1977. – 207 p.

Поступила 20.11.2008 г.

УДК 001.2;008.001

ТОЛЕРАНТНОСТЬ, МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

О.Е. Радченко, С.А. Власова

Томский политехнический университет
E-mail: oer@sibmail.com

Исследование массового сознания представляет интерес в контексте его взаимосвязи с понятиями толерантности, общества и государства. Авторы рассматривают взаимосвязь массового сознания, общества, государства, акцентируя внимание на одном из её аспектов – мифологической составляющей массового сознания во взаимоотношении с обществом и государством. Формирование установки на толерантность социальных отношений испытывает определённое сопротивление со стороны бессознательных механизмов массового сознания и требует преодоления этих особенностей с помощью рациональных механизмов, с этой целью формируется государственный механизм общества.

Ключевые слова:

Государство, интолерантность, массовое сознание, общество, толерантность.

Определять содержание понятия массового сознания целесообразно через историческую перспективу. В этом отношении можно отметить, что история массового сознания как феномена общественной жизни, как и история изучения массового сознания достаточно сложна и противоречива. Сама проблема существования реального «массового сознания» и его субъекта, особого «массового человека» возникает в науке на рубеже XVIII–XIX вв. [1]. По мере укрепления и развития средневековых городов увеличивается плотность населения, соответственно, увеличивается и плотность контактов между людьми. Появляются отдельные вспышки явлений, относимых к массовой психологии, которые можно назвать лишь предварительными формами массового сознания, поскольку существовавший на то время уровень развития общества не позволял осознать и сформулировать реальное состояние общественного сознания населения. Обозначим, что появление и развитие средневековых городов само по себе уже являлось переходным состоянием, связанным со становлением нового общественного явления, нового образа жизни и новой культуры, что отражается на уровне сознания общества.

В данной ситуации можно говорить о том, что в это время происходила крупномасштабная социальная реформа, связанная со сменой типов общественного сознания, когда деструктуризация привычных его форм привела к тому, что они, будучи разрушенными, сменялись становящимися, но ещё в тот момент размытыми «неклассическими» формами [2]. Этот период также можно характеризовать как переходный от одного типа общества к другому.

Формально словосочетание «массовое сознание» начинает встречаться в литературе в середине XIX века. На рубеже XIX–XX вв. появляются считающиеся классическими труды Г. Тарда [3], Г. Лебона [4], Ш. Сигеле [5]. Более или менее определённое употребление понятия «массовое сознание» в качестве специального научного термина началось лишь в 20–30-е гг. XX века, что, на наш взгляд, можно связать с изменениями, происходящими в обществе. Как уже было отмечено выше, начало XX века характеризовалось приходом нового типа общества – массового общества, которое Х. Ортега-и-Гассет [6] охарактеризовал как «восстание масс». Возникла проблема выработки отношения к новому типу общества. Сложившаяся ситуация была охарактеризована как кризисная, поскольку об-

щество оказалось не готовым к принятию новых стандартов жизни.

Однако затем наступила продолжительная пауза в исследованиях, связанная с тем, что общество структурировалось, и преобладающим стал индивидуализм. С. Московичи [7] пишет о том, что культ «свободного индивида» предопределял доминирование индивидуальности в исследованиях. Лишь начиная со второй половины 60-х гг. прошлого века появляется всплеск интереса к проблеме массового сознания и наблюдается интенсификация исследований по проблемам массового сознания [1], что можно объяснить очередной реструктуризацией общества при переходе от индустриальной к постиндустриальной эпохе. Термин «постиндустриальное общество» начинает употребляться в литературе в середине XX века для характеристики нового типа общества, пришедшего на смену индустриальному обществу [8].

Постиндустриальное общество представляет собой абсолютно иной способ производства, общественной организации и культуры. Основное место здесь начинает занимать знание, причём знание теоретическое, которое определяет возможности применения инноваций в различных областях деятельности и социального контроля над изменениями с предвидением результатов. Постиндустриальное общество ориентируется на будущее, ведущую роль при этом занимает технология. На первое место выходят именно информационные технологии, информация преобразовывается в цифровую форму, что делает её универсальной безотносительно к языковым и культурным особенностям [9].

По мнению Б. Грушина [10], явления, служащие предпосылкой возникновения массового сознания, берут своё начало в переходе от традиционных типов обществ к обществам индустриальным, когда происходит процесс так называемой «массовизации основных условий и форм жизнедеятельности». Он пишет о том, что массовизация порождает «одинаковые или подобные устремления, интересы, потребности, навыки, склонности и т. д.». В результате «омассовления» всё большее число людей включается в однотипные производственные, потребительские, информационные и другие процессы, которые порождают однотипные нормы и ценности, жизненные стили и уклады. Массовое производство порождает массовое потребление, которое, в свою очередь, распространяет процесс стандартизации и нивелировки на все сферы жизни. Характеризуя сущность массового сознания, в первую очередь, необходимо отметить, что массовое сознание является одним из видов общественного сознания, наиболее реальной формой его существования и воплощения [11].

Трактовки массового сознания, сложившиеся в науке на сегодняшний день, можно сформировать в двух вариантах. Первая точка зрения изложена у Д. Майерса [12]. Он рассматривает массовое сознание как форму общественного сознания, которая

заметно проявляется в бурные, динамичные периоды развития общества, когда в обществе нет интереса к научным исследованиям. Другую точку зрения приводит Д.В. Ольшанский [1]. В его понимании массовое сознание представляет собой достаточно самостоятельный феномен и определяется как сознание определённого социального носителя, то есть массы. Оно постоянно существует в обществе наряду с существованием классических групп и возникает как отражение обстоятельств, которые являются общими для членов, входящих в различные социальные группы, которые таким образом оказываются в сходных условиях и уравниваются в том или ином аспекте.

В работах Г. Тарда [3], Г. Лебона [4], Ш. Сигеле [5] при описании сделан акцент именно на понятии толпы. Г. Лебон [4] характеризовал общественную ситуацию на рубеже XIX–XX вв. как один из критических моментов истории, когда назревают изменения на уровне общественного сознания. По его мнению, их определяют два фактора. С одной стороны, происходит разрушение религиозных, политических и социальных верований, на которых строится существовавшая на тот момент цивилизация. С другой стороны, произошедшие открытия в науке и промышленности приводят к возникновению новых условий существования и появлению совершенно новых идей. Этот процесс осложняется тем, что смена не может произойти быстро. В сознании людей ещё крепки идеи прошлого, которые, даже будучи наполовину разрушенными, достаточно сильны. Но идеи, которые должны прийти к ним на смену, ещё находятся в процессе образования. Это, по его мнению, даёт основание для того, чтобы характеризовать состояние общества на тот момент как анархическое, или переходное. Характеризуя толпу, Г. Лебон [4] отмечал, что она не представляет собой простое собрание индивидов. Толпа — это иное, коллективное образование, черты которой не имеют ничего общего с чертами входящих в неё индивидов. Толпу он считал временным образованием и подчёркивал приоритет иррациональной составляющей толпы. По его мнению, толпа имеет коллективную душу, которая состоит из бессознательных компонентов, одинаковых для психики разных индивидов.

Ш. Сигеле [5] также использовал понятие толпы для характеристики массовых явлений. В характеристике содержания понятия «толпа» его взгляды во многом сходны со взглядами Г. Лебона. Он также отметил, что люди в массе ведут себя иначе, чем они бы вели себя по-отдельности, вплоть до того, что решения, принимаемые людьми сообща, могут, по сути, кардинально отличаться от тех, которые они принимали бы, не находясь вместе. Г. Тард [3], используя понятие толпы, предлагает и новую категорию, отличную от неё — категорию публики. В отличие от толпы, индивиды, входящие в состав публики, объединены не физически, а скорее духовно, с помощью убеждений, страстей. Понятие пу-

блики, по его мнению, гораздо шире и объёмнее понятия толпы, так же, как сама публика гораздо больше, чем толпа. В перемене акцентов с толпы на публику важную роль сыграло появление периодической прессы. Публика, в отличие от толпы, более рациональна и более долговечна, чем толпа. Предполагая в дальнейшем более интенсивное развитие средств массовой информации и коммуникаций, Г. Тард делает вывод о том, что наступающая эпоха будет не эрой толпы, а эрой публики.

Х. Ортега-и-Гассет [6] определяет массы через обезличенность и посредственность. Начало XX в. и приход нового типа общества — массового общества он охарактеризовал как «восстание масс». Именно с этого периода масса начинает трактоваться как часть общества, во многом определяющая его функционирование. Наблюдаются и подвижки в самой трактовке понятия «масса». По мнению Х. Ортега-и-Гассета [6], толпа является понятием количественным и визуальным. Масса — это множество ничем не выделяющихся индивидов. Он противопоставил массы он противопоставил элитарному меньшинству. Человек элиты ощущает внутреннюю потребность в стремлении к чему-либо большему, его жизнь представляет собой служение, связанное с требовательностью к себе. Совместная цель, идея или идеал организуют меньшинство — элиту. Человек элиты изначально выделяется из массы, то есть большинства, что делает возможным его принадлежность к элите. Благородство элитарного человека состоит в наличии у него обязанностей, которые он выполняет при помощи самодисциплины. Его жизнь всегда напряжённая, он постоянно находится в поиске, готов к нахождению нового. Этим и отличается благородная жизнь человека элиты от обычной жизни, которая представляет собой движение на месте, повтор одного и того же, пока внешняя сила не выведет её из этого состояния.

Таким образом, Х. Ортега-и-Гассет [6] предлагает деление общества на два класса: «на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить — это просто плыть по течению, оставаясь таким, какой он есть, и не силясь перерастить себя». В интерпретации массовости на первый план выходят уже не иррациональные механизмы, определяющие её сущность. Массовость характеризуется как особая социальная организация, с уравниванием жизни и формированием стандартов поведения и потребления, одинаковых для всех.

Понимание массы именно в таком её виде является следствием процессов, связанных со становлением индустриального, а затем и постиндустриального общества. Причём в последнем такая трактовка массы даже более актуальна, поскольку главной характеристикой постиндустриального общества является преобладание высоких технологий, в том числе технологий информационных. Масса отличается разнородным и смешанным социальным со-

ставом и включает в себя представителей различных профессиональных групп, классов, людей с неодинаковым уровнем образования, культуры, материального положения и т. д.

Поскольку массовое сознание связано с поведением человека, а поведение строится исходя из ситуации, то последнее будет таким же изменчивым, как и само массовое сознание. Можно предположить, что поведение будет мотивироваться поверхностными суждениями, формируемыми на уровне общественного мнения, что также делает более реальной реализацию принципа интолерантности в общественных отношениях. Массовое сознание с особой активностью обнаруживает себя в переходные моменты общественной истории. Это связывается как с ситуацией неопределённости, когда предшествующие структуры уже разрушены, а новые ещё не сформированы, так и с протестными тенденциями в сознании людей против нового порядка, представляющегося им чуждым. Так, процесс перехода к индустриальному обществу сопровождался протестом человека против новой и чуждой для него цивилизации. Защитной реакцией человека на вызов окружающего мира и становящегося господство индустриальной культуры явилось восстановление мифологии. Массовость индустриального общества заключается в поведении, обусловленном мифологическим сознанием. Человек, пытаясь уйти от действительности, предпочитает истинное знание заменять чем-то иным, другой системой знаков, что и позволяет говорить о мифологичности сознания, а саму мифологию рассматривать уже не как сферу фантазии, а как совершенно определённую символическую систему. Миф становится принципом, характеризующим массовое сознание [2]. Игнорирование морали как регулятора общественных отношений на мифологическом уровне создаёт определённый предпосылки к формированию и закреплению интолерантных установок в сознании человека и не способствует утверждению установки на толерантность.

Мифология, как правило, содержит информацию о превосходстве собственной группы, вплоть до утверждения идеи божественного происхождения. В то же время мифология формирует презрительное отношение ко всем, кто не относится к категории «мы», которое может представлять собой маскировку страха, испытываемого по отношению к иному и чужому. Г. Лебон [4], описывая толпу, также объясняет осознание ею своего величия и всемогущества многочисленностью и наличием иллюзий. Н.И. Семечкин [19] отмечает, что, однако, не всегда, даже имея большое желание, при сравнении себя с другими группами, члены своей группы не могут найти каких-либо очевидных признаков своего превосходства. В этом случае проблема разрешается за счёт использования умозрительных неverifiedируемых категорий с использованием словесной конструкции «зато». Характерно, что собственные пороки и недостатки ре-

зультате самокатегоризаций оборачиваются достоинствами. Собственные добрые дела члены группы объясняют изначально заложенными в них позитивными характеристиками, в то время как позитивные действия других преподносятся как результат случайности. Закономерно и обратное противопоставление. Негативные действия «мы» расцениваются как случайные, а такие же поступки «их» как вполне закономерные, являющиеся следствием их изначально негативных характеристик.

Это приводит к тому, что для взаимоотношений групп становятся характерными явления внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации, которые заключаются в усилении позитивной направленности при характеристике своей группы и усилении негативных характеристик при описании группы чужих, которая может распространяться и на действия [19]. Согласно Н.И. Семечкину [13], эти явления приводят к тому, что даже критерий справедливости становится достаточно размытым при распределении ресурсов между членами своей и чужой группы, склоняясь в сторону улучшения условий для своей группы и стремления ухудшить ситуацию другой. На этом основании можно сделать вывод о том, что суть внутригруппового фаворитизма сводится к самоутверждению человека. Идентификация с позитивно характеризующейся группой автоматически повышает представление о себе без приложения каких-либо дополнительных усилий.

Разделение мира на две части: «мы» и «они», берущее своё начало в мифологической компоненте массового сознания, закреплённой у современного человека на подсознательном уровне, — оказывает влияние на жизнь современного общества и выражается в таком явлении как группоцентризм [13]. В настоящее время группоцентризм — очень распространённый способ группового самосознания. В самом разделении мира и группоцентризме уже заложены основы интолерантности, которая может проявляться в большей или меньшей степени. Заложённое в массовом сознании мифологическое деление на категории «свой» и «чужие» не способствует формированию толерантных установок, а напротив, предрасполагает к нетерпимости по отношению к представителям иных групп, как чужим, непонятым, незнакомым, что накладывается на характерное для мифологии отношение к истине, когда происходит не познание иного явления с тем, чтобы понять его особенности, связи и отношения, а наоборот, изоляция от иного за счёт компенсаторных механизмов самовозвышения и самоидеализации.

В природе человека заложено внутренне присущее ему свойство мыслить с помощью стандартов, что распространяется и на межгрупповые отношения. Этим частично можно объяснить столь лёгкое формирование и усвоение в процессе социализации стереотипов. Н.П. Кириллов пишет, что «стереотип как предвзятое мнение определяет процесс, характер и содержание восприятия общественных

явлений, которое сквозь призму определённого, конкретного стереотипа осуществляется автоматически» [14]. По его мнению, функциональное назначение стереотипа определяется как своего рода экономия мышления и внимания в силу того, что он использует уже сформированные шаблоны и схемы при восприятии и изучении окружающей реальности, которые, как правило, носят упрощённый характер.

Продолжая характеризовать стереотипы, Н.П. Кириллов [14] пишет, что стереотипы, подобные охарактеризованным выше, выделяются в отдельную категорию иллюзорных стереотипов, носящих деструктивный характер, поскольку могут искажать реальность. Но существует также и другой вид стереотипов — стереотипы социально-теоретического и политического мышления. Этим стереотипам не присуща характеристика упрощённости, хотя они обладают определённой долей инертности в силу того, что склонны ориентироваться на устаревшие подходы существующей реальности. Для такого рода стереотипов характерно возможное наличие достоверности знания, где стереотипизация проявляется в упрощённом восприятии научных знаний и реальных явлений, сводя их к уровню обыденного знания. В соответствии с задачами нашей работы этот вид стереотипов не будет нами подробно рассматриваться. Гораздо целесообразнее будет сосредоточиться на особенностях первого типа стереотипов относительно отмеченного выше разделения мира.

Н.П. Кириллов [14] пишет, что через призму определённого стереотипа восприятие происходит автоматически без применения когнитивных механизмов. Стереотипы формируют массовое сознание и придают ему определённую направленность. В стереотипе явление действительности становится не просто воспринимаемым образом, но приобретает черты стандарта, в который заложена упрощённая схема отражения действительности, где внимание сосредотачивается не на всех, а лишь на отдельных свойствах предмета. В результате восприятия объекта через призму стереотипа складывается такой его образ, многие стороны которого значительно упрощены и носят схематичный характер. При этом, наряду с упрощением отдельных свойств и характеристик отражаемого объекта, имеет место процесс приписывания ему таких качеств и свойств, которые не были ему присущи. Созданный посредством стереотипа образ достаточно устойчив и может мешать дальнейшему адекватному восприятию воспринимаемого объекта в массовом сознании.

На наш взгляд, мифологическое разделение мира на «своих» и «чужих» и особенности восприятия индивидом представителей «своей» и «чужой» группы непосредственно связаны со стереотипами, имеющими место в сознании. Как правило, негативные стереотипы формируются в отношении представителей группы «они», соответственно, в восприятии членов этой группы членами своей

группы используются упрощённые схемы, и во многих случаях оно происходит автоматически. Недостаток информации об иных явлениях и группах людей компенсируется в том числе домысливанием, а не поиском адекватной информации, что ведёт к подмене понятий истинности и ложности, а это также находит отражение в рамках массового сознания.

Н.П. Кириллов [14] отмечает определённую двойственность стереотипа как явления массового сознания. Стереотипы устойчивы, стабильны и одновременно способны к модернизации. Стереотип создаётся в процессе жизнедеятельности и практики повседневной жизни людей. Но в то же время практика способствует исчезновению стереотипов. И здесь мы снова сталкиваемся с таким фактором, как отсутствие информации. Именно недостаточное информационное обеспечение об объекте, который отражается в сознании, делает возможным и более успешным действие механизмов внушения и подражания. Стереотипы образуются в процессе социального научения и благодаря социальному влиянию [13]. Таким образом, стереотип зависит от ситуации, атмосферы в которой он формировался, соответственно, в разных обществах стереотипы будут отличаться друг от друга.

Иногда в качестве стереотипов могут выступать традиции, которые являются регуляторами отношений в обществе. Традиция выступает в особой функции сохранения, или консервации, культуры, а также передачи культурного наследия. А.А. Косарев [15] утверждает, что традиции формируются и сохраняются именно на мифологическом уровне: «Миф по своей природе традиционен. Он буквально пропитан традициями. Более того, он и сохраняется только силой традиции».

Стереотипы оказывают значительное влияние на процесс мышления и формирование массового

сознания, однако возможности воздействия на них существуют. Н.И. Семечкин [13] пишет о том, что преодоление стереотипного мышления не является невозможным. Опираясь на горизонтальное деление мира по схеме «свои — чужие», он утверждает, что «в некоторых ситуациях члены одной группы («мы») могут даже признавать превосходство другой («они»). Такое становится возможным в том случае, когда у членов группы «мы», по крайней мере, имеется не схематичное, а более или менее полное и беспристрастное знание об «они», т. е. когда упрощённая схема стереотипа заменяется реальной исчерпывающей информацией.

Анализ мифологического компонента массового сознания позволяет сделать вывод о том, что мифологические тенденции в его рамках достаточно сильны и во многом определяют характеристики массового сознания. Основываясь на бессознательных пластах психики, мифологические компоненты создают в массовом сознании предпосылки к формированию установок интолерантности и, соответственно, интолерантного поведения.

Сопоставив выявленные нами характеристики с характеристиками толерантности и интолерантности, мы делаем вывод о том, что массовое сознание и его мифологическая составляющая предрасполагают к закреплению в сознании установок интолерантности, которые изначально существуют в нём на уровне архетипов. Формирование установки на толерантность испытывает определённое сопротивление со стороны бессознательных механизмов и требует преодоления этих особенностей с помощью рациональных механизмов, с этой целью формируется государственный механизм общества. Для чего могут быть использованы возможности средств массовой информации, с развитием которых связано и само выделение субъекта массового сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольшанский Д.В. Психология масс. — СПб.: Питер, 2002. — 308 с.
2. Сыров В.Н., Поправко Н.В. Генезис массового сознания // Социологический журнал. — 1998. — №1/2. — С. 66–78.
3. Тард Г. Мнение и толпа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.i-u.ru>, свободный, 15.03.2008.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995. — 316 с.
5. Сигеле Ш. Преступная толпа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Sighele/_Tolpa_index.php, свободный, 12.12.2008.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chat.ru/~scbooks>, свободный, 12.12.2008.
7. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. — 480 с.
8. Рейман Л.Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии. — 2001. — № 3. — С. 3–9.
9. Иноземцев В.Л. Социология Даниела Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации // Вопросы философии. — 2002. — № 5. — С. 3–12.
10. Грушин Б. Массовое сознание [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://tezayrys.nscs.ru/Massovoe_Soznanie_B_Gryshin.doc, свободный, 15.03.2008.
11. Кордуэлл М. Психология А-Я = Psychology: Словарь-справочник. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 440 с.
12. Майерс Д. Социальная психология / Пер. с англ. — СПб.: Питерком, 1999. — 688 с.
13. Семечкин Н.И. Психология социального влияния. — СПб.: Речь, 2004. — 304 с.
14. Кириллов Н.П. Массовое сознание. Структура. Генезис. Сущностные характеристики (Вопросы теории и методологии). Кн. 2. — Томск: Изд-во Том. ун-та. — 1995. — 124 с.
15. Косарев А.Ф. Философия мифа: мифология и её эвристическая значимость. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. — 304 с.

Поступила 18.11.2008 г.